

ДОСТОЕВСКИЙ В ЛАБИРИНТАХ «СЕБЯ»*

Достоевский по-прежнему остается самым изучаемым русским писателем в США, а американское достоевсковедение сохраняет свои лидирующие позиции в мире наряду с российским.¹ И тем не менее далеко не на всякую новую американскую монографию о Достоевском появляется отклик в российской научной печати. Как всегда, это имеет самые разные причины. Начиная со случайных и кончая тем, что современное американское достоевсковедение, в отличие от недавних славных его времен, отмеченных появлением работ Джозефа Франка и Роберта Джексона, сегодня уже совсем иное. Во-первых, оно в основном не столько занимается самим Достоевским, сколько пропускает через его творчество наиболее модные, даже не литературно-теоретические, а культурно-антропологические концепции. И во-вторых, по сравнению, например, с современным китайским или японским достоевсковедением, не слишком интересует тем, что и как пишут сегодня о Достоевском в России.

Написать о монографии Юрия Корригана мне показалось важным именно потому, что как раз в обоих этих отношениях она представляет собой счастливое исключение. Из пятнадцати страниц, которые занимает в его книге «Библиография», впрочем включающая не только исследовательскую литературу, но и тексты (с. 215–230), около половины работ принадлежат российским мыслителям и ученым. К тому же эта книга направлена на разрешение серьезной проблемы, которая давно уже поставлена представителями как историко-литературного, так и религиозно-философского направлений в изучении творчества Достоевского.

Действительно, с одной стороны, во всем своем зрелом творчестве писатель последовательно боролся с идеей индивидуальной автономии, возможности отдельного, построенного вне зависимости от судьбы народа и человечества личного счастья, а с другой, на протяжении всей жизни страстно защищал свободу и неприкосновенность человеческой личности. Как это совмещалось в его творчестве? На этот

вопрос и пытается ответить своей книгой Ю. Корриган. По его убеждению, парадоксальное понимание личности как индивидуально отграниченной от других и в то же время бесконечно причастной к ним Достоевский разрешал, двигаясь от изучения человеческой разъединенности в его ранних произведениях к своеобразной «метафизической психологии», посредством которой он пытался сохранить представление о душе для наступающего секуляризированного мира.

Героев Достоевского, полагает Корриган, ужасало их собственное внутреннее пространство: пространство памяти, подсознания, иных сущностей, лежащих в основе их внутреннего опыта. В своей книге исследователь обращается к тому, как этот «ужас сознания» толкает их к чрезвычайной устремленности вовне: к непреодолимому цеплянию за «других» как средству замещения их утраченных душевных способностей и в то же время к осознанию невозможности растворить себя внутри тех или иных «коллективных личностей».

В первой главе автор очерчивает парадигму «коллективной личности», которая реализована в раннем рассказе Достоевского «Слабое сердце» (1848). По мнению Корригана, этот рассказ предоставляет нам основополагающий словарь для описания сплава «себя» и «других» и изображения разрушенного внутреннего мира. Во второй главе через прочтение «Двойника» (1846), «Хозяйки» (1847) и «Неточки Незвановой» (1849) прослежены травма и шок от насилия, которые ставят барьер работе сознания и направляют личность вовне, чтобы она вновь обрела себя во взаимоотношениях с «другими». Развиваемая Достоевским модель «тройственной коллективной личности» поставлена здесь исследователем в контекст традиций дуализма и «двойничества». В третьей главе детально рассматривается представление о «раненой памяти», воплотившееся в «Униженных и оскорбленных» (1861), и его связь с возникновением метафизического измерения личности. «Будучи внутренне направлен против просветительской добродетели личной открытости, — отмечает Корриган, — роман отстаивает „психическую травму“ как опыт» (р. 8), из которого личность может выйти, став более сильной. В каждой из трех начальных глав книги, которые все в той или иной мере посвящены проблеме развоплощения и воплощения личности, автор использует «Преступление и наказание» (1867) как краеугольный камень для понимания ранних произведений Достоевского.

Сдвиг фокуса к философскому измерению личности, который наблюдается в более позд-

* *Corrigan Yu. Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2017. 238 p.*

¹ Ярким свидетельством этого стал, например, недавно прошедший в Бостоне XVII Симпозиум Международного общества Достоевского. См. о нем: Кибальник С. А. XVII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского в США // Русская литература. 2020. № 1. С. 225–228.

них произведениях Достоевского, обозначен в четвертой главе. В ней исследуется скрытое, но могущественное присутствие непрошенных воспоминаний, которые, прячась под благополучным фасадом героев «Идиота», преследуют их, побуждая к попыткам стереть те или иные грани их личностей, чтобы растворить себя в более широких, коллективных сущностях. Видя в князе Мышкине наивысшее воплощение «травмированных героев» Достоевского, Корриган понимает его путь в романе как попытку открыть какой-то основополагающий принцип существования *вне себя* — трансцендентный якорь для личности, помогающий ей высвободиться из ее проективного рассредоточения в других и, в свою очередь, освободить других от их ограниченного существования как только аспектов ее собственной души.

Посвященная «Бесам» (1873) пятая глава содержит прочтение новаторской демонологии Достоевского как опыта изучения разрушающейся личности. Корриган показывает, что изображение «безличностей» и «шатких» личностей, которые безропотно поддаются внешним влияниям, связано в романе прежде всего с вампирической деятельностью трагикомического «беса» Степана Верховенского, последовательно покушающегося на внутреннее личностное пространство окружающих.

В главе шестой роман «Подросток» (1875) понят как художественное воплощение опыта восстановления внутреннего пространства личности. Исследователь утверждает, что распадающийся, на первый взгляд, сюжет романа ока-

зывается на удивление целостным, если взглянуть на него как на опыт изучения различных стратегий перемещения «души» во внешнее пространство и поисков концепции личности, которая отменит представление о теле как средоточии существования «я». В главе седьмой Корриган рассматривает сюжет «Братьев Карамазовых» (1880) как череду «ученичеств», в которых ученик приобщается к личности учителя и в результате этого обретает себя. Обширная топография внутреннего пространства личности представлена в романе, по мнению Корригана, через изображение постепенного отделения его протагонистов: Алеши, Мити, Ивана — от коллективного опыта личности и движения их вглубь себя. В «Заключении» «проект Достоевского», как называет исследователь эксперимент писателя по художественному воплощению своей новаторской концепции личности, поставлен в более широкий контекст проблемы «внутренней жизни», который сложился в культурном дискурсе дореволюционного российского общества.

Нельзя сказать, что все эти достаточно свежие подходы к ранее уже неоднократно подвергавшимся интерпретации произведениям Достоевского реализованы в книге одинаково убедительно. Однако то, что, совершенно независимо от своих многочисленных предшественников в изучении этой темы, Ю. Корригану удалось нащупать и распутать многие важные узлы в развитии художественной психологии и метафизики русского классика, не вызывает сомнений.